

Окуджавы Булат

230403.

Портрет на фоне Окуджавы

Все начиналось с "Лирики"

Куватура -
2003. - 17 - 23 апр. - с. 14

Сначала была книжка. Тощий, истрепанный, читанный-перечитанный томик — первый сборник стихов Булата Окуджавы "Лирика", изданный в 1956 году в Калуге, где его автор тогда учительствовал.

Книжку подарил мне после долгих упрасиваний мой тверской товарищ, который учился в ту пору на журфаке МГУ и добыл ее, вероятно, у кого-то из калужан. На титульном листе он написал: "У каждого свой талисман. А твой должен быть счастливым. За автора — Владимир Гунин".

Книжка, которая уже сразу после выхода стала библиографической редкостью, действительно почиталась мной как талисман. Я знал ее наизусть, хотя в ней не было еще тех песен, которые сделали имя Окуджавы знаменитым. Но она долго оставалась единственным источником стихов любимого поэта, по крайней мере — для меня, и обретение сборника я отметил пятью строчками, которые потом, много лет спустя, рискнул прочесть Булату Шалвовичу. Вот они:

Только лишь посредством блат
Я достал стихи Булата,
Подтверждая постулат,
Необходим для Булата:
Блат сильнее, чем Булат.

Выслушав мой опус, Окуджава усмехнулся и сказал: "Боюсь, что сей постулат никогда не утратит своей актуальности".

...Вот этот томик-талисман я и взял с собой в Ленинград летом 1982 года, отправляясь на берега Невы с командой устного "Журнала журналов ЦДЛ". Возглавлял ее известный писатель, один из асов Великой Отечественной. Герой Советского Союза Марк Галлаи, призвавший под свои знамена популярного известного журналиста-международника Станислава Кондрашова, бывшего тогда в зените славы писателя-сатирика Борис Ласкина, Татьяну и Сергея Никитиных и Булата Окуджаву. Надеюсь познакомиться с ним и получить на его книжке автограф не за автора уже, а от автора, я и захватил выдавшую виды булатовскую "Лирику".

Увы, в поезде Окуджавы не оказалось. Но Ласкин успокоил меня, сказав: Булат уже в Питере, уехал раньше с выступлениями и присое-

динится к нам в "Астории", где радужные ленинградцы заказали номера москвичам — знай наших!

Так оно и случилось. Выступали мы в Доме писателей. Зал был полон. Стояли в проходах: столичная команда действительно была звездной. В комнатенке за сценой я наконец-то увидел Окуджаву. Поздоровался, представился и кратко изложил историю появления у меня его книжки.

— Господи! Уцелела! — воскликнул он, разглядывая потрепанную брошюру. И совершенно неожиданно для меня предложил: — Давайте меня:

Искушение было велико, но я устоял. Тогда он достал старенькую перьевую авторучку и, поскольку титул книжки уже был занят дарственной, начертал на обложке слова, которые вы видите на этой репродукции. А самого оригинала у меня уже нет: я его все-таки подарил Булату. Вернее, Музею Булата Окуджавы, ибо от вдовы его и хранительницы скромного этого домика в ближнем Подмоскovie узнал, что единственный экземпляр "Лирики", который хранился в экспозиции, кто-то из поклонников "увел".

Вот так скромный истрепанный томик с двумя дарственными надписями стал музейным экспонатом, напоминающим о первых шагах к вершинам поэзии одного из славных людей России. Громко сказано?

Так ведь и слава Окуджавы была заслуженно громкой, хотя и пел он тихо. Но шепот иногда слышнее крика...

С этого дня в летнем Ленинграде и началось мое доброе знакомство с Булатом Шалвовичем, длившееся многие годы. Я отдался ему своей книжкой о Пушкине. Очень скоро подношение мое аукнулось. Он зашел в редакцию журнала "Юность", где я в ту пору работал, заглянул в мой размер с мышиную нору кабинетик и сказал:

— Я не со стихами, я к вам как к пушкинисту.

Сказал вполне серьезно, чем еще больше смутил меня этим высоким и едва ли приложимым ко мне термином, ибо моя "пушкинистика" измерялась в ту пору двумя небольшими книжками о тверских творческих досугах великого поэта. Правда,

предисловие к одной из них написал сам Ираклий Андроников, но...

Из разговора выяснилось, что Булат в пушкинистику пока подавать не собирается. Но вот не то в Саратове, не то в Ярославле, признать, не помню, работает в гостинице молодая женщина, которая сделала несколько замечательных открытий в графике Пушкина.

— Помогите ей, поглядите, если стоит — напечатайте. Самой ей не пробиться, — попросил он и оставил адрес.

Потом это "помогите" часто звучало из его уст, ибо помогать другим было одним из свойств его натуры — щедрой, доброй. Нет, конечно, не всем подряд, а людям талантливым. Он-то знал, как трудно сделать первые шаги, даже если ты семи пядей во лбу.

Однажды Окуджаву, заглянув на несколько минут в журнал с новыми стихами, зашел в кабинет Андрея Дементьева, где собралась редколлегия, и стал соблазнять главного редактора и всех нас:

— Хочу привести к вам удивительного человека.

— Со стихами?

— Нет, с песнями.

— Со своими?

— Конечно! И какими!

— Под гитару?

— Да, под гитару. А вам что, гитара надоела?

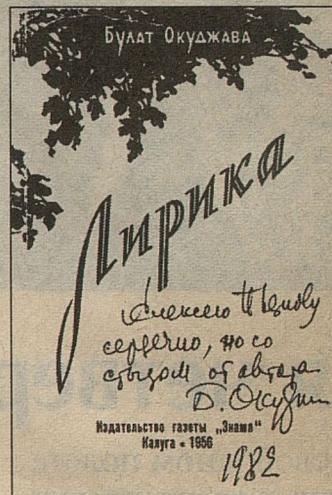
— Твоя нет... А кто этот человек? Мужчина или женщина?

— Юная девушка... Ну что, согласны?

Через неделю Окуджаву привел в наш Большой небольшой зал очаровательное существо. Маленькое, хрупкое, застенчивое. Но, как вскоре выяснилось, полное достоинства, с сильным характером и четко определенной целью в жизни, верность которой в значительной мере определило отношение Булата.

В общем, он привел в "Юность" Веронику Долину, послушать которую собралась вся редакция и многие наши авторы, заранее извещенные о сенсации, обещанной Окуджавой.

Успех был полным. Булат радовался, не скрывая, хотя, как известно, был скуп на публичные проявления эмоций. Вскоре стихи Вероники появились в журнале. Потом имя ее

перекочевало на московские афиши. Она зазвучала по радио... Дебют в "Юности", устроенный благодаря столь высокому покровителю, оказался поистине судьбоносным.

Но снимок, который перед вами, сделан не на этом первом концерте Долиной в журнале, а много позже. Она, как и Окуджаву, была не очень частой, но желанной гостьей "Юности". Однажды мы решили отметить очередной наш юбилей. Времена стояли трудные для юбилеев нелюбимых тогдашней властью журналов. Денег на застолье в нашем скудном бюджете не было. Решили: мы накрываем стол закусками, напитки приносят гости. И пригласили тех, кто дружил с "Юностью": Юнну Мориц, Анатолия Алексина, Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Булата Окуджаву, Бориса Васильева...

Должен сказать, что самых разнообразных бутылок оказалось гораздо больше, чем гостей. Но не это определило веселье, царившее за столом до глубокой ночи. Звучали стихи, песни, тосты, которые в пору было записывать в свой блокнотик легендарному Шурику. Пела и Вероника. И как пела! Вот тогда и был сделан этот снимок на фоне Окуджавы.

Теперь, перечитывая его стихи, слушая песни, я часто думаю, какой радостью было сняться на фоне Окуджавы! Нет, не из мелкого неутоленного тщеславия — "Я и великий". Помните, у Ираклия Андроникова:

Б.Окуджаву и В.Долину

На веки вечные мы все теперь
в обнимку
на фоне Пушкина!

И птичка вылетает.

Завершая эту короткую историю, мне осталось ответить на один вопрос, который, возможно, возникнет у читателей: почему в дарственной надписи на своей книжке "Лирика" Окуджаву написал "со стыдом"? Чего он мог стыдиться?

Перед тем как отдать сборник Ольге Окуджаве для музея, я еще раз перечел все, что было под его обложкой. И еще раз убедился, что автор не лукавил, не хитрил ни одной строчкой. Он был молод. Искренен. Он верил в то, о чем писал.

Более того! Я нашел в книжке стихотворение, которое почти через пятьдесят лет после его создания оказалось пророческим. Думаю, его

будет уместно привести здесь целиком.

Бессмертье

Поэта, сраженного, не излечить.
Лекарства — пустая затея.
И руки по швам опустили врачи,
Со смертью схватиться не смея.
Пошады не жди в поединке таком.
Придворные были довольны.
И царь повелел, схоронивши тайком,
Забывать о поэте крамольном.
Конец? Но резцы и палитры неся,
Тропой незаросшей, знакомой
К могилам поэта сходились друзья,
Как в прошлом сходились к живому.
Гранит под упрямой рукой оживал,
Был мрамор податлив и розов,
И снова поэт над землею вставал
То в краске, то в камне, то в бронзе.
Но годы — что волны:

упрямя их прилив;
Те старые минули сроки,
И книги тонули в архивной пыли,
Теряя за строками строки.
И бронза тускнела,
под ветром звеня,
Холсты усажили, прогнивши...
Но годы — что волны, и не было дня,
Чтоб их охватило затихие.
Тот край,

где поэт похороненный спит,
За многие годы не раз он
Снаряды был обожжен и изрыт,
И цепью траншей опоясан.
И в злобе враги искрошили гранит,
Осколками землю усеяв;
И бронзу, смеясь, отправляли они
Грустить в чужеземных музеях.
Но жизнь не сдалась,

не пропала в дыму;
Весна не покинула в потемках...
А как же поэт? Неужели ему
Теперь не дойти до потомков?
И вот я Москвой на рассвете иду:
Пора, тишиной налитая.
Но кто это там у весны на виду
Знакомое что-то читает?
Совсем еще дети, еще не успев
За партой узнать о поэте,
Мальчишки читали
стихи нараспев...

А это и было бессмертье.
Что тут можно сказать? Пожалуй, только то, что истинным поэтам дано предвидеть будущее. И собственное, и наше с вами, живущими на их фоне.

Алексей ПЯНОВ